

И.Ф. Ивашевич

Полесский государственный университет, Irena_Iwa@rambler.ru

"Есть три времени: настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего – это память; настоящее настоящего – его непосредственное созерцание; настоящее будущего – его ожидание" (Августин. Исповедь).

Проблема культурных изменений принадлежит к числу фундаментальных в научном знании. Именно поэтому ее разработкой в той или иной мере занимались практически все исследователи культуры, а потребность в результатах этих исследований имеет место во всех сферах социальной жизни. Особенно актуальной она становится тогда, когда в связи с резкими переменами, происходящими в обществе, возникает необходимость в управлении, прогнозировании и проектировании разного рода процессов (не только собственно культурных, но и политических, экономических, технико-технологических и др.).

Когда речь идет не просто о культурных изменениях, а об изменениях, в которых имеет место целостность и направленность, когда можно проследить определенные закономерности, то говорят о динамике культуры. Если иметь в виду, что культура является содержательным аспектом совместной, то есть социальной, жизни людей, то будет правильно говорить о социокультурной динамике.

Социокультурная динамика – изменения или модификация смысловых индикаторов и параметров культуры во времени, пространстве. Какова же направленность и характер таких изменений, а также, каковы механизмы, их порождающие? Вопросы социокультурной динамики всегда были в центре внимания философской и социологической мысли. О. Шпенглер и А. Тойнби, П. Сорокин и В. Виндельбанд, Н. Даниловский и В. Соловьёв, пытаясь придать этой проблеме строго научный характер, разрабатывали различные модели социокультурного процесса, определяемого внутренней логикой исторического времени.

Открытие границ социокультурного пространства Республики Беларусь вследствие распада советской системы стимулировало рост возможностей культурного выбора, обусловленный включением в глобальные сети обмена информацией и интеллектуальными ресурсами. Готовые модели потребления и культурные образцы хлынули не только с Запада, но и с Востока. Культурно-исторические традиции интенсивно возрождались и приспособлялись к современным потребностям. В итоге существенно расширилась база культурно ориентированных форм социального опыта, ядром которого стали импортные критерии потребления и жизненные стили, обеспечивавшие более комфортное существование личности и микрогруппы.

Для современной науки особый интерес представляет такая особенность социокультурной динамики как значительное ускорение исторического времени, а соответственно и сокращение временных параметров протекаемых социокультурных процессов, охватывающих как глобальные (от 100 до 1000 лет) и крупномасштабные (от 25–30 до 100 лет), так и микромасштабные изменения в пределах 10–20 лет. В потрясающе короткие сроки, буквально в считанные годы произошли поразительные изменения: в экономике – от господства планового хозяйства к стихии рыночных отношений; в политике – от тоталитарной системы к демократическим формам правления; в культуре – от этноцентризма к культурному плюрализму; в идеологии – от атеистического диктата к религиозному ренессансу, от отчуждения личности, её поглощенности коллективными формами жизнедеятельности к культивированию индивидуального начала; в нравственности от диктата совести к диктату власти и денег, в окружении которых совесть превращается в нечто малозначашее и эфемерное.

В силу вступают иные социальные стандарты и нравственные ценности, в основе которых лежит выгода, утилитаризм, меркантильность интересов, целей, потребностей.

Глобализация приводит к усреднению уровня традиционной культуры. Массовая культура медленно, но верно отвоевывает власть у видов высокого искусства: шоу-бизнес – у театра, оперы, балета; футбол – у гимнастики, шахмат, плавания; телевизор – у книги; индустрия развлечений – у домашнего досуга. Коммерциализация культуры разрушает ее собственные системные правила функционирования, а значит, искажает культуру. Культура не может до неразличимости отождествиться с рынком. Поэтому определенный культурный протекционизм не только легитимен, но и в определенной степени необходим. Было бы неверно игнорировать и позитивные функции поп-культуры: она связана с привлечением самых широких народных масс, которые прежде практически не были вовлечены в художественную культуру. Поп-культура в настоящее время является результатом ликвидации культурной неграмотности международных масс культурного пролетариата (А. Тойнби). Ее достоинство заключается в том, что она допускает и приветствует другие субкультуры. Посредством нее глобальными – способными к обмену и усвоению другими культурами – становятся и национальные культуры.

Прямое заимствование расхожих импортных культурных образцов определяло и молодежные культурные стили. Самоидентификация с “толкинистами”, “айкидоками”, “скинхедами”, “рокерами” или “байкерами” открывала возможность первичной социализации на основе ярких, уникальных признаков и в готовых формах. Подобные механизмы быстрого обретения идентичности уже были опробованы в мультикультурных обществах Запада.

Осмысление, интерпретация и объективная оценка истоков и механизмов социокультурной динамики, определяющей вектор социокультурных процессов на современном этапе функционирования общества, должно рассматриваться как одно из важнейших направлений научного поиска.